5

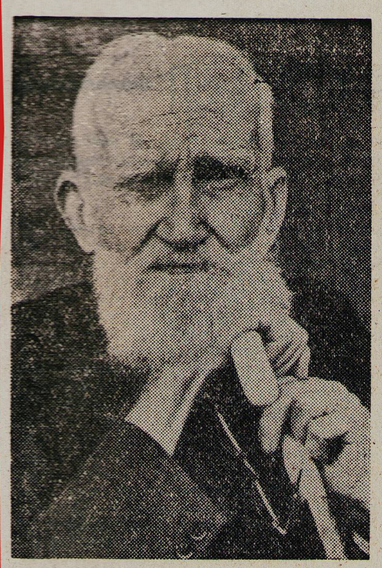
26 ИЮЛ 1956

Советская культура
г. Москва

100 лет со дня рождения Бернарда Шоу

Шоу и Советский Союз

Р. ПЕЙДЖ АРНОТ



Джордж Бернард Шоу. Один из последних фотопортретов.

СТО ЛЕТ назад, 26 июля 1856 года, в Дублине, главном городе Ирландии, в семье мелкого чиновника родился Бернард Шоу. Сегодня весь мир, справедливо считая Шоу величайшим английским драматургом со времен Шекспира, празднует столетие со дня его рождения.

В последние десятилетия его жизни (он умер менее шести лет назад, на 95-м году жизни) его считали величайшей фигурой мировой литературы. Но в Советском Союзе его гений был признан и его пьесы игрались раньше, чем в большинстве европейских стран. Было несколько лет, когда пьесы Шоу на московских сценах ставились больше, чем на лондонских. Восприятие советской публикой пьес Шоу — тема, которую еще предстоит разработать. Тема же этой статьи — не столько отношение Советского Союза к Шоу, сколько отношение Шоу к Советскому Союзу.

«Время испытания человеческих душ», — так писал Том Пэйн о раннем, критическом моменте американской революции. Эти слова можно отнести ко всем революциям, особенно в том отношении, как их принимают в других странах. Английская буржуазная революция, свершившаяся триста лет назад, завоевала мало симпатий у ведущих писателей феодальной Европы, которые нападали на нее словом и пером с такой яростью, что, по словам великого поэта Джона Мильтона, он потерял зрение, уставая отвечать иностранным клеветникам и защищая народ Англии. Французская буржуазная революция через сто пятьдесят лет была таким же тяжелым испытанием для душ поэтов и писателей в других странах, испытанием, которое было выдержано лишь немногими, такими, как шотландский крестьянский поэт Роберт Бернс. Октябрьская социалистическая революция, поскольку она была величайшей революцией в истории человечества, явилась наитяжелейшим испытанием для литературной и артистической интеллигенции в каждой стране, как феодальной, так и буржуазной. Бернард Шоу, один из немногих представителей старшего поколения интеллигенции Великобритании, выдержал это испытание с честью.

Некоторые из известных английских писателей, которые в годы, предшествовавшие империалистической войне 1914—1918 годов, высоко отзывались о революции, повернули вспять, когда революция свершилась. Шоу с возмущением говорил мне позднее о них (в разговоре, который состоялся лет 37 назад) как о «литературных анархистах». В противоположность им Шоу приветствовал Октябрь, или, как он называл его и как он называется до сего дня в Англии, русскую революцию.

Через четыре года, когда победа советской власти в гражданской войне против интервенции четырнадцати держав сделала возможным сообщение с внешним миром, Бернард Шоу послал последний том своих пьес, «Назад к Мафусаилу», В. И. Ленину с надписью, в которой выразил преклонение старого социалиста перед человеком, основавшим Советское государство. Это были годы, когда поток антибольшевистской пропаганды наводнял Европу и Америку.

Сейчас, когда доблесть Советского Союза и всего лагеря социализма вызывает восхищение даже у некоторых приверженцев капиталистического мировоззрения, отношение такого гения, как Шоу, к СССР может показаться ничем не примечательным. Но в те тяжелые годы, когда мало кто, кроме революционного пролетариата, поддерживал рабочих и крестьян Советской России, выступления в ее защиту требовали большого мужества. К тому же эволюция взглядов Шоу до 1914 года была такова, что нельзя было угадать заранее, каким будет его отношение к революции. Это требует объяснения.

Отношение Шоу к революции имело за собой длинную историю, уходящую ко времени, когда 75 лет тому назад в Англии были образованы первые общества социалистов. В 1883 году, прочитав «Капитал» Маркса, Шоу сделался социалистом. В те годы молодой Шоу, не снискавший еще успеха как писатель, был известен среди социалистов главным образом как агитатор и пропагандист, выступавший в лондонских парках и на перекрестках улиц. Наделенный звучным голосом, мелодические интонации которого усиливались его ирландским акцентом, и добившийся совершенного произношения каждой гласной и согласной, Шоу своей убедительной аргументацией и искрящимся остроумием вскоре приобрел известность первоклассного агитатора-социалиста.

Вскоре Шоу близко познакомился с Гайндманом — основателем социал-демократической федерации (которому Маркс и Энгельс никогда не доверяли), с поэтом Уильямом Моррисом, младшей дочерью Маркса Элеонорой. Над остротами молодого Шоу смеялся Энгельс...

Как известно, молодой Шоу отошел от учения Маркса и вместе с Сиднеем Уэббом полвека был руководителем оппортунистического «Фабианского общества». Однако даже в период до 1910 года, когда Шоу был горячим сторонником реформизма, он в своих художественных произведениях постоянно разоблачал буржуазный вздор, фальшивые идеалы личных и общественных отношений.

Страстная ненависть Шоу к капитализму, к эксплуатации человека и в метрополии и в колониях, к парламентскому лицемерию и хваленой двухпартийной системе не раз прорывалась и пересиливала фабианские убеждения. Даже когда его все считали архифабианцем, Шоу писал: «Маркс открыл мои глаза на факты истории и цивилизации, дал мне совершенно новую концепцию вселенной, указал мне цель и миссию в жизни».

Этой целью было разрушение капиталистических идей и распространение идей социализма. С той же страстной силой, с какой он ненавидел капитализм, Шоу любил социализм, работал на него, трудился ради него, сделал социализм целью своей жизни. Поэтому, когда в огне русской революции родилось общество, устремившееся по пути строительства социализма, душа Шоу была спасена революцией от того политического разложения, которое все больше и больше поражало молодое поколение фабианцев.

В октябре 1917 года Бернарду Шоу шел шестьдесят второй год. Прожитая им после этого треть века — замечательный период в жизни великого писателя. Как видно из его бесчисленных высказываний в пьесах, книгах, газетах, выступлениях по радио, мысли Шоу все больше и больше занимал Советский Союз. Следует помнить, что Шоу не принадлежал к тем английским писателям, которые мало знали о жизни в царской России. В восьмидесятых годах прошлого столетия он, подобно другим социалистам, был в дружеских отношениях с эмигрантами-народниками, особенно с Сергеем Кравчинским, писавшим под псевдонимом Степняк.

Сорок лет тому назад Шоу рассказывал мне, как беседы с одним из русских ссыльных заставили его многое переделать в своей пьесе «Человек и война». Он переписывался с Львом Толстым. Он был хорошо знаком с творчеством Чехова. Шоу признался в подзаголовке своей пьесы «Дом, где разбиваются сердца», что она была навеяна Чеховым. Наконец, он был другом Максима Горького, называвшего Шоу «одним из наиболее смелых мыслителей в Европе». Да, Шоу знал немало о том, что делалось в царской империи, до того как революция породила у него новый и всепоглощающий интерес к народам Советского Союза.

Но этот интерес, более того, это дружеское расположение еще не означали полного понимания. Когда осуществлялась новая экономическая политика, многие в Европе считали, что это не временное отступление, как его наметил Ленин, а окончательное расставание с социализмом. И до 1928 года Шоу казалось, что газеты правы, что это был якобы простой возврат к капитализму. Это заблуждение, а также перспектива создания лейбористского правительства, которое, как считали его сторонники, будет гигантским шагом на пути к социализму в Англии, заставило Шоу окунуться в предвыборную пропаганду, чтобы расчистить дорогу Рамсею Макдональду.

В 1930 году, при втором лейбористском правительстве, мировой экономический кризис принес Англии массовую безработицу. В СССР же успешно выполнялась первая пятилетка. Летом 1931 года Шоу приехал в СССР и там встретил свое семидесятипятилетие. Еще в конце гражданской войны некий газетный магнат просил его поехать в Россию и описать все, что он увидит. Шоу рассказывал: «Я отказался потому, что я слишком хорошо знал, что увижу руины капитализма, а не расцвет коммунизма. Только в 1931 году я посетил СССР, но к этому времени обстановка изменилась».

Далее Шоу со свойственным ему юмором и прямотой отмечал:

«В течение десяти дней я жил и путешествовал с полным комфортом (меня принимали так, как если бы я был сам Карл Маркс), и я не нашел тех ужасов, какие мог бы найти в бедствующих районах и трущобах капиталистического Запада, хотя Советское правительство все еще вскрывало свои ошибки. К счастью, в России ошибки не замалчиваются: на них обрушиваются и исправляют с энергией, не знающей компромиссов, ибо не приходится мириться с интересами капиталистов».

Кульминацией посещения Шоу Советского Союза был митинг в Москве. Поэты, музыканты, художники, писатели, журналисты, драматурги, актеры, балерины и певцы заполнили Дом союзов. Некоторые из них проехали сотни километров ради возможности видеть и слышать Бернарда Шоу. Председателем был А. В. Луначарский, драматург и Народный комиссар просвещения. Он представил собравшимся «самого блестящего европейца». И вот человек, облик которого знаком мне с отроческих лет, держась прямо, размахивая на ходу руками, большими шагами подошел к кафедре.

По старой привычке во время выступления он скрещивал руки на груди. Когда я впервые увидел Шоу, его знаменитая рыжая борода была почти седой, теперь она была белоснежной. Какие еще признаки возраста были в этом вечно юном человеке? Его речь началась с русского слова «товарищи», вызвавшего бурные аплодисменты. Шоу немедленно реагировал: «Я узнал это слово только на прошлой неделе, но уже полюбил его». Затем он продолжал, обращаясь к своим сидевшим на сцене дорожным спутникам и выделяющейся среди них леди Астор в розовом платье, украшенном солнцем из бриллиантов:

— Здесь сидят мои дорожные спутники — лорд и леди Астор и маркиз Лотиэн. Это невероятно богатые люди—капиталисты и землевладельцы самого крупного пошиба. Но не осуждайте их за это: они не могут изменить этот факт. Только один британский пролетариат и вместе с ним пролетариат всего мира может выручить их из этого положения».

Изложив аудитории свое убеждение в том, что коммунистическая система могла бы спасти человечество от полного краха, он перешел к критике. Когда он сказал: «Вы делаете из коммунизма религию», раздался довольно единодушный недоверчивый смех. «О, — воскликнул Шоу, — я помню, когда я сказал то же самое Фридриху Энгельсу, он так же смеялся, как вы». Смеха больше не было. Каждый из присутствовавших, не веря своим ушам, искал подтверждения сказанного у соседа. Готов держать пари, что каждый шептал одно и то же: «Он сказал «Энгельс»?».

Возвратившись в Великобританию, Шоу произнес речь, непосредственное действие которой на двух членов лейбористского кабинета описано в опубликованных несколько недель назад дневниках Беатрисы Уэбб за 1924—1932 годы следующим образом:

«18 августа 1931 года. Сноудены, завтракавшие у нас вчера, находились под большим впечатлением от речи Джорджа Бернарда Шоу. «Злобно-вредная речь», — пробормотал Филипп, после чего у нас с ними был горячий спор о советизме... мы поддерживали его (Советское государство. — **Прим. переводчика**) как благой эксперимент в организации производства и потребления для общего блага. Это было знаменательно для наших совершенно различных взглядов на жизнь».

С тех пор Беатриса и Сидней Уэбб стали интересоваться строительством социализма в СССР больше, чем судьбами лейбористского правительства, членом которого был один из них. Шоу проложил своим товарищам по оружию, Уэббам, путь, и с того времени их талант социальных исследователей был отдан СССР. Результатом длительной поездки Уэббов в Советский Союз был вышедший в свет в 1935 году двухтомный труд, в котором умелое изложение в соединении с авторитетом авторов в английском рабочем движении усилило эффект выступления Шоу.

Так трое старых фабианцев на девятом десятке своей жизни поставили перед собой задачу популяризировать достижения СССР среди народов, говорящих на английском языке. Шоу и Уэббы, верные традиции английского эмпиризма, не путались в абстрактных доводах. Они посетили Советский Союз и увидели, что он хорош. Опыт учит. У них был опыт первых двух лейбористских правительств, который принес разочарование. У них был опыт Советского государства и жизни советского народа, который внушал бодрость. Для них этого было достаточно. Тот факт, что они в преклонном возрасте и вопреки всем прежним заблуждениям пришли к полной солидарности с Советским Союзом, делает им величайшую честь.

В последние двадцать лет своей жизни Бернард Шоу не просто сочувствовал Советскому Союзу. Его поддержка была основана на полном убеждении. Его интенсивная умственная деятельность, пожалуй, беспримерная для человека в восемьдесят — девяносто лет, искусство полемики, не притупившееся и в старости, не говоря уже об огромном мировом престиже, — все это было отдано Советскому Союзу.

6 августа 1950 года, всего лишь за два с лишним месяца до смерти писателя, журналист спросил его:

— Вы коммунист, мистер Шоу?

Последовал ответ:

— Да, конечно, я коммунист... Будущее принадлежит той стране, которая продвинет у себя коммунизм дальше всех и быстрее всех.

Хотя этими словами Шоу подчеркнуто глубоко охарактеризовал убеждения последних лет своей жизни, найдутся, вероятно, люди, которые попытаются «систематизировать» Шоу и для этой цели выберут из написанного им за три четверти века высказывания иного рода. Об этом хорошо написал Палм Датт в своих воспоминаниях, опубликованных после смерти Шоу в журнале «Лейбор мансли»:

«Шоу был художник. О нем не следовало бы судить в основном как о мыслителе, несмотря на всю его гигантскую умственную энергию и силу. В океане его творчества в беспорядочном столкновении друг с другом могут быть обнаружены все противоречия нашего мира. В реторте его превосходного стиля и остроумия сверкали и становились бессмертными величие и бедность идей. Он был марксист и антимарксист, революционер и реформист, фабианец и человек, презирающий фабианство, коммунист и крестоносец против налога на сверхприбыль. Только ограниченные умы могут пытаться построить абстрактную систему интеллекта из миллионов скрещивающихся нитей и течений...».

Потребовалось бы много страниц, чтобы привести все высказывания Шоу о Советском Союзе за последние двадцать лет его жизни, подобные вот этому, сделанному в декабре 1937 года:

«Россия являет всему миру пример превосходства социализма над капитализмом в экономическом, социальном и политическом отношениях».

Бернард Шоу, родившийся в старейшей колонии Британской империи — Ирландии, в конце своей жизни увидел, как Ирландия и Индия стали независимыми республиками. Родившись в то время, когда большая часть Азии была феодальной, он увидел пробуждение ее народов от тысячелетнего сна к политической жизни, а Китай — идущим к социализму. Он жил во времена Первого Интернационала, Второго Интернационала, Третьего Интернационала. Он мечтал увидеть мировую социалистическую революцию, чтобы человечество, которое он любил, как любил социализм и истину, навсегда избавилось от феодализма и капитализма. Он радовался успехам Советского Союза, претворившего идеи социализма в дела.

ЛОНДОН. Июль.

Рассказ о большой жизни

К столетию со дня рождения великого английского писателя-гуманиста Центральная студия документальных фильмов подготовила небольшой, но интересный фильм-рассказ об основных этапах жизни Бернарда Шоу.

Перед глазами зрителя проходят живописные уголки Айот Сэнт Лоуренса, где Шоу долгие годы вынашивал свои творческие планы, комнаты лондонской квартиры писателя. Фотографии и портреты из альбомов дают возможность познакомиться с важнейшими вехами творческой и общественной деятельности Шоу.

...21 июля 1931 года накануне своего семидесятипятилетия Шоу приезжает в Москву.

Энергичный, не по возрасту подвижной высокий старик с молодыми глазами интересуется всем: вот кадры, запечатлевшие его пребывание в тамбовской сельскохозяйственной коммуне имени В. И. Ленина, Шоу беседует с детьми, обедает с колхозниками, беседует с радушно встретившими его ленинградцами...

Шоу-драматург: на экране лондонский театр «Роял корт тиэтр», на его сцене увидели свет многие пьесы Шоу.

— У советского зрителя, — говорит диктор, — особой популярностью пользуется комедия «Пигмалион». В исполнении артистов Малого театра мы видим отрывки из этой комедии.

О своей встрече с Шоу рассказывает К. Симонов, побывавший в Англии в 1947 году.

...Крупный план цветущего дерева. Диктор говорит: Джордж Бернард Шоу умер.

Но меняется кадр, камера панорамирует на бесконечное количество книг с портретами Шоу — осталось огромное литературное наследие великого писателя-гуманиста. Творения Шоу живут и будут жить, они дороги всем прогрессивным людям мира.

В ЧЕСТЬ АНГЛИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ

К столетию со дня рождения Бернарда Шоу Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина организовала специальную выставку. Здесь представлены различные советские и зарубежные издания книг Шоу. Среди них сборники избранных произведений, издания пьес «Пигмалион», «Горько, но правда», «Полководец», «Чернокожая девушка в поисках бога», «Карьера боксера Кэшэля Байрона» и другие. На отдельном стенде собраны статьи и воспоминания о Шоу, литературоведческие труды, материалы о постановке его пьес на советской сцене.

Большая коллекция книг английского драматурга, изданных на его родине и в других странах мира, собрана во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы. Многие читатели знакомятся с творчеством Шоу на английском языке.

К столетию со дня рождения великого писателя Общество англо-советской дружбы прислало в СССР ряд интересных материалов. В их числе около 100 фотографий сцен из пьес драматурга, поставленных в различных театрах Англии. Большую ценность представляют полученные из Англии для демонстрации подлинники отдельных писем писателя.

Выставки, посвященные Бернарду Шоу, открылись в Харьковской научной библиотеке имени Короленко, в Киргизской республиканской публичной библиотеке в городе Фрунзе и в других городах.

Дом Бернарда Шоу в Айот Сэнт Лоуренсе.

Рабочий кабинет писателя в «Уголке Шоу».

В «УГОЛКЕ ШОУ»

Около сорока пяти лет своей долгой жизни Джордж Бернард Шоу провел в деревне Айот Сэнт Лоуренс, недалеко от Лондона. Неутомимый, деятельный, всегда в творческом горении, Шоу написал тут свои самые известные пьесы: «Пигмалион», «Человек и сверхчеловек», «Дом, где разбиваются сердца». «Назад к Мафусаилу», «Святая Иоанна». Здесь Шоу умер в ноябре 1950 года. Дом, в котором жил и работал великий драматург, сохраняется британским народом как музей. В июне этого года, проезжая по дорогам Хердфордшира, мы разыскали ведущую к нему аллею.

Писателю было пятьдесят лет, когда он переехал в деревню и купил у местного священника дом. Он назвал его «Уголок Шоу». Это было в 1906 году. В том же году впервые увидела свет пьеса Шоу «Врач на распутье». К тому времени Шоу был известен как автор пьес «Человек и война», «Цезарь и Клеопатра», «Кандида». Англия и Америка славили его как ведущего драматурга.

На деревенском кладбище стоит памятник Мари-Анне Саус. Родилась в 1825 году, умерла в 1895 году. На надгробной плите сохранилась надпись: «Ее жизнь коротка». Говорят, что Шоу решил переехать в деревню после того, как прочел эту надпись. Очевидно, на него произвела впечатление склонность жителей к долголетию. Действительно, здесь он провел много лет, полных творческих порывов и плодотворного труда на старости лет.

...Мы миновали развалины церкви, построенной пять столетий назад, разукрашенный въезд в усадьбу местного помещика, несколько крытых красной черепицей полудеревянных, полукаменных домов и очутились у музея. У калитки лежала куча рюкзаков: их оставили туристы, прибывшие отдать дань уважения памяти великого драматурга.

Как только вы попадаете в прихожую, первое, что привлекает ваше внимание, это коллекция шляп, развешанных над коробкой с перчатками, и добрая дюжина палок. «У Шоу было пристрастие к шляпам,—говорит нам экскурсовод, — одну из них, серую, из очень мягкого фетра, он носил почти шестьдесят лет».

Казалось, что Шоу только что вышел отсюда на прогулку. Вот стоит чуть отодвинутый плетеный стул, на котором Шоу обувался по утрам На открытом рояле — раскрытые ноты сонаты Бетховена. После драмы музыка была для Шоу самым любимым видом искусства.

— Во время войны, когда над Айотом завывали сирены воздушной тревоги, — сказал наш экскурсовод, — Шоу частенько садился за рояль и распевал арии из итальянских опер под свой собственный аккомпанемент.

Проходим в рабочий кабинет писателя — заполненную светом комнату. Здесь с завидной точностью, каждое утро ровно в 10 часов 15 минут, появлялся Шоу и садился писать. На широком столе у окна — перья, карандаши, французский, немецкий и итальянский карманные словари, крошечный исторический словарь. К ним Шоу обращался, когда надо было что-либо быстро проверить. Направо от стола висит портрет Уильяма Морриса, о котором писатель говорил, что «в нем одном помещается четыре великих человека» На маленькой конторке под портретом лежит медаль Нобелевской премии, присужденной Шоу в 1925 году.

Шоу хранил свою основную библиотеку в лондонской квартире. Книги, заполнявшие полки в «Уголке», были его рабочей библиотекой. Достаточно одного взгляда на них, чтобы понять широту интересов писателя и то, какое значение он придавал изучению марксизма, русской и советской истории. Здесь «Капитал» Маркса, избранные произведения Ленина, целая полка книг о Советском Союзе, написанных английскими путешественниками и журналистами, советский календарь за 1947 год. Бросается в глаза, что в картотеке, которую Шоу вел с поразительной тщательностью, Россия занимает четвертую часть высокого шкафчика.

Рядом с кабинетом — маленькая гостиная. Она была скорее комнатой жены Шоу, и после ее смерти в 1943 году писатель редко пользовался этой гостиной, разве только когда собирались гости.

На камине стоит фигурка Шекспира из китайского фарфора, на окне в глубине комнаты три бронзовых бюста работы Паоло Трубецкого, один из них — Шоу, выполненный в 1926 году. На маленьком столике лежит мраморная рука писателя работы Жигмонда Кишфалуди Штробля. На белом книжном шкафу — бюст писателя, созданный Родэном.

Рассматривая книги в шкафу, обнаруживаем томик «Молодой гвардии» Фадеева с надписью автора, датированной 23 марта 1947 года. На столах расставлены палехские коробочки, подарки советских друзей и московские сувениры; некоторые из них Шоу привез сам, когда был в Советском Союзе.

Шоу очень любил свою столовую, в ней он и умер. Драматург всегда читал за долгим вегетарианским завтраком, который растягивался на два-три часа, а вечером, после обеда, забирался в кресло у огня камина и снова читал или слушал радио до самого сна.

На столе книга с записями посетителей музея: поклонники Шоу из Германии, Нью-Йорка, Иоганнесбурга, Москвы, Токио, Праги...

Сад у дома сверкает лупинусами, сиренью, маками. В самую суровую погоду Шоу не изменял своей привычке гулять ранним вечером. Летом он писал в маленьком флигеле в глубине сада, называя его избушкой на курьих ножках Там он спасался от посетителей и поклонников, и там все еще стоит его любимый стул, придвинутый к столу, а на столе — листок бумаги, кажется, так и ожидающий, что к нему прикоснется рука писателя.

На двери избушки характерное для Шоу объявление:

«Мистер Бернард Шоу обязан напомнить корреспондентам, желающим получить его интервью, что волею судьбы является профессиональным журналистом и предпочитает сам общаться с публикой через печать. Благословен каждый, кто обратится к нему с интересным вопросом в письменном виде, затрагивающим текущие события, и, если время позволит, а ответ может быть изложен в двадцати или меньше словах, он его получит».

Перед тем как уехать из Айота, мы зашли на почту. Женщина-почтальон предложила нам купить последнюю работу писателя под названием «Путеводитель в стихах Бернарда Шоу по деревне Айот». Здесь всего 30 страниц, заполненных четверостишиями и стихами. Эта книга, над которой он с увлечением работал более 50 лет, — создание острого и наблюдательного ума Шоу. Вся она светится веселым юмором, тонкой насмешкой писателя над своими соседями, глубоким ощущением красоты природы. Кажется, что гуляешь с Бернардом Шоу и он показывает тебе свой любимый Айот, как вдруг:

Освобождаясь от гостей,
Домой спешу я поскорей.
Нет места лучшего, друзья,
Айот ни с чем сравнить нельзя.
Там я тружусь и, не шучу,
Сам чай частенько кипячу.
Вот почему, по всем приметам,
Живу я здесь зимой и летом.

И с бессмертным Шоу-гидом мы понемногу постигаем тайну связи между творчеством художника и его окружением, связи, которая делает неразлучным неутомимый гений Джорджа Бернарда Шоу с тихой английской деревушкой.

Ральф ПАРКЕР.